

МУРЗИЛКА

1 июня —
Международный
день защиты
детей

С. «Мурзилка», 1987 г.

«Эта Земля для всех народов», Герру ГЕРВАНЕН, г. Фремонт, США.

БУДЕМ ДРУЗЬЯМИ!

Владимир
СТЕПАНОВ

Дарит Земля нам
Чистые зори,
Вешние травы
И птиц на просторе.
За руки крепче
Мы взяться должны,
Дом свой родимый
Спасти от войны.

Добрые люди,
Будем друзьями,
Пусть не погаснут
Рассветы над нами.
Пусть дальним звёздам
Улыбки дая,
Голубем мира
Кружится Земля.

«На Красной площади», Андрей ЦИВАРЕВ, Москва.

«Я стану животноводом», Д. СОЁЛМАА, г. Улан-Батор, Монголия.

«Мой дом», Анна ЛИПИНЬСКА, Польша.

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Виктор РЫБИН

На артековском пляже шумно и весело. В стороне на скамейке сидит мальчик, задумчиво смотрит на море. Будто поджидает кого-то из-за дымчатого горизонта.

Это Альфредо. Родом он из небольшого итальянского городка Гравина.

— Скучаешь? — спросил я.

Альфредо взглянул на меня, вроде решая, можно ли довериться.

— Да, — ответил наконец. — Скучаю о друге. О Луке Варреза.

— А что же — здесь ты ни с кем не подружился?

— О, здесь у меня много друзей! — улыбнулся Альфредо и тут же вздохнул. — Только Лука далеко. И ему сейчас очень трудно.

— Наверное, какие-нибудь экзамены сдаёт, — кивнул я. — Отстал от класса?

— Нет-нет, — заторопился Альфредо. — Лука учился прекрасно! Но он из бедной семьи — пришлось бросить школу. Теперь он работает на стройке. Знаете, у нас в Италии много мелких мастерских, ферм, строек, на которые хозяева нанимают детей. А платят им гро-

ши. Лука так устаёт! И глаза у него стали совсем как у взрослых — серьёзные, грустные... Он очень много думает о жизни.

Я присел рядом с Альфредо, положил ему руку на плечо. Он вскинул голову и вдруг погрозил мне пальцем.

— Только не надо жалеть Луку — он этого терпеть не может! Однажды он пришёл домой, сильно хромая. «Авария на стройке, — сказал он. — Доски проломилась под ногами. Двое мальчишек могут остаться на всю жизнь калеками. А всё потому, что хозяин закупил по дешёвке гнилые доски! Хозяин думает об одном — нажиться, разбогатеть. Но мы будем бороться за свои права!» — «Кто?!» — не понял я тогда Луку. «Увидишь!» — коротко сказал он.

— И знаете! — глаза Альфредо засияли. — Мальчишки организовали свой профессиональный союз. Первый в Италии «мальчишечий профсоюз». И руководит им — Лука Варреза. Это он убедил ребят объединиться, чтобы хозяевам не сходило всё с рук. Луке, конечно, угрожали, обещали расправиться. Но

Лука не испугался. Теперь в его профсоюзе уже пятьсот мальчишек. Это сила!

Альфредо встал, распрямил плечи. Маленький, худенький мальчик... Но у него есть много верных друзей. И дома, в Италии, и здесь — в пионерском «Артеке». Конечно, все вместе — они сила!

Три часа длился бой. Три часа батальон 36/38 сдерживал атаки бандитов — «контрас». И вместе со взрослыми сражался Фермин Эррера Оливас.

Бандиты пришли на его родину Никарагуа из соседнего Гондураса. Совсем рядом, за цепью лесистых холмов, их лагерь. Оттуда совершают они ночные разбойничьи налёты на крохотное пограничное селение. Бойцы-никарагуанцы поклялись умереть, но врага не пропустить. И Фермин поклялся вместе с ними.

Когда в утреннем тумане сверкнули первые лучи солнца, командир батальо-

на поднял бойцов в атаку. Бандиты в панике бежали.

Это был двадцать второй бой Фермина. Накануне ему исполнилось тринадцать лет.

Трудно поверить, что за плечами этого озорного, улыбчивого мальчугана такие суровые, полные смертельной опасности годы. Но вот Фермин начинает рассказывать, и глаза его гневно сверкают:

— В нашем селении от пуль бандитов погибли двадцать четыре человека. В каждой семье есть убитые. В каждом доме — горе. Но мы не сдадимся, не выпустим из рук оружия.

— А много ли в вашем батальоне детей? — спросил я. — Таких, как ты?

— Детей? — удивился Фермин. — Разве я ребёнок? Я боец! Я записался в батальон добровольцем и получил оружие, чтобы защищать родину. Мой отец никогда не держал в руках книгу. А народная власть построила для нас школы. Теперь мы учимся — мой отец и я. У нас никогда не было земли. Теперь мы работаем на нашей земле — мой отец и я. И мы воюем за народную власть — мой отец и я.

И Альфредо и Фермин, как и миллионы детей в других странах, хотят жить мирно и счастливо. Они мечтают об этом. И за свою мечту им приходится бороться. Они не знакомы — Альфредо и Фермин. Но всё равно они вместе, они сила.

Рис. В. ХЛЕБНИКОВОЙ

О ПУШКИНЕ

Даниил ХАРМС

Вот однажды подошёл ко мне Кирилл и сказал:

— А я знаю наизусть: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя».

— Очень хорошо, — сказал я. — А тебе нравятся эти стихи?

— Нравятся, — сказал Кирилл.

— А ты знаешь, кто их написал? — спросил я Кирилла.

— Знаю, — сказал он.

— Кто? — спросил я.

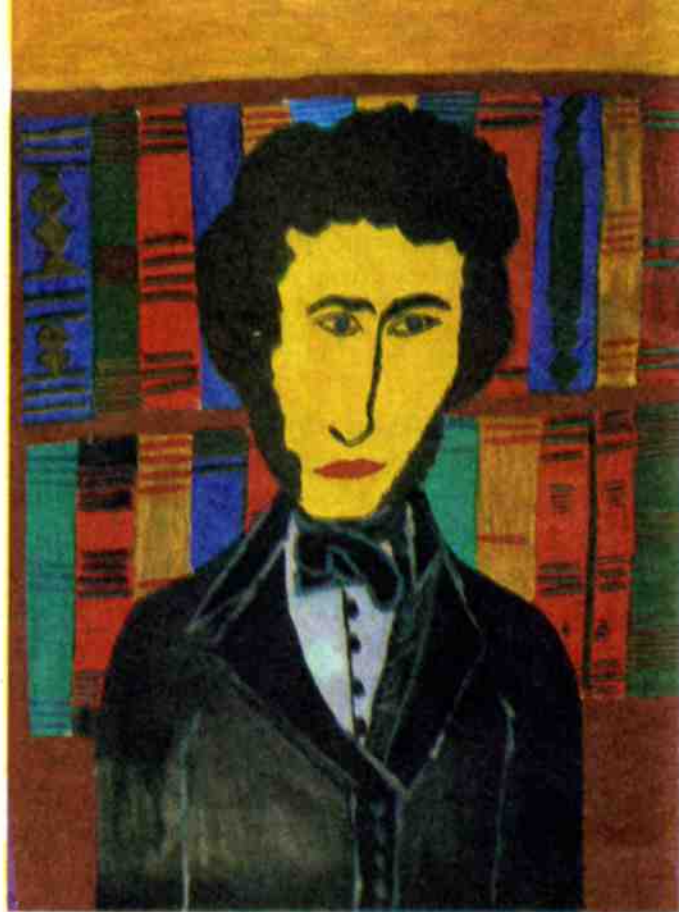
— Пушкин, — сказал Кирилл.

— А ты понимаешь, про что там написано? — спросил я.

— Понимаю, — сказал Кирилл, — там написано про домик и про старушку.

— А ты знаешь, кто эта старушка? — спросил я.

— Знаю, — сказал Кирилл, — это бабушка Катя.

«Александр Сергеевич ПУШКИН»,
рис. Арамаиса ОНАНЯНА, г. Ереван

— Нет, — сказал я, — это не бабушка Катя. Эту старушку зовут Арина Родионовна. Это няня Пушкина.

— А зачем у Пушкина няня? — спросил Кирилл.

— Когда Пушкин был маленький, у него была няня. И когда маленький Пушкин ложился спать, няня садилась возле его кровати и рассказывала ему сказки или пела длинные русские песни. Маленький Пушкин слушал эти сказки и песни и просил няню рассказать или спеть ему ещё. Но няня говорила: «Поздно. Пора спать». И маленький Пушкин засыпал.

— А кто такой Пушкин? — спросил Кирилл.

— Как же ты выучил стихи Пушкина наизусть и не знаешь, кто он такой! — сказал я. — Пушкин — это великий поэт. Ты знаешь, что такое поэт?

— Знаю, — сказал Кирилл.

— Ну, скажи, что такое поэт? — попросил я Кирилла.

— Поэт — это который пишет стихи, — сказал Кирилл.

— Верно,— сказал я,— поэт пишет стихи. А Пушкин — великий поэт. Он писал замечательные стихи. Всё, что написал Пушкин,— замечательно.

— Ты говоришь, Пушкин был маленький,— сказал Кирилл.

— Нет,— сказал я.— Ты меня не так понял. Сначала Пушкин был маленький, как и все люди, а потом вырос и стал большим.

— А когда он был маленький, он писал стихи? — спросил Кирилл.

— Да, писал,— сказал я.— Но сначала он начал писать стихи по-французски.

— А почему он писал сначала по-французски? — спросил меня Кирилл.

— Видишь ли ты,— сказал я Кириллу,— в то время, когда жил Пушкин, в богатых домах было принято разговаривать на французском языке. И вот родители Пушкина наняли ему учителя француза. Маленький Пушкин говорил по-французски так же хорошо, как и по-русски, прочитал много французских книг и начал сам писать французские стихи. С родителями Пушкин говорил по-французски, с учителем по-француз-

ски, с сестрой тоже по-французски. И все люди, которые бывали в доме у Пушкиных, говорили по-французски. Только с бабушкой и с няней маленький Пушкин говорил по-русски. И вот, слушая нянины сказки и песни, Пушкин полюбил русский язык и начал писать стихи по-русски.

В это время часы, висевшие на стене, пробили два часа.

— Ну,— сказал я Кириллу,— тебе пора идти гулять.

— Ой, нет,— сказал Кирилл.— Я не хочу гулять. Расскажи мне ещё про Пушкина.

— Хорошо, — сказал я, — я расскажу тебе о том, как Пушкин стал великим поэтом.

Кирилл забрался на кресло с ногами и приготовился слушать.

— Ну так вот, — начал я, — когда Пушкин подрос, его отдали в Лицей. Ты знаешь, что такое Лицей?

— Знаю, — сказал Кирилл, — это такой пароход.

— Нет, что ты! — сказал я. — Какой там пароход! Лицей — это так называлась школа, в которой учился Пушкин. Это была тогда самая лучшая школа. Мальчики, которые учились там, должны были жить в самом Лицее. Их учили самые лучшие учителя, и Лицей посещали знаменитые люди.

В Лицее вместе с Пушкиным училось тридцать мальчиков. Многие из них были тоже молодыми поэтами и тоже писали стихи. Но Пушкин писал стихи лучше всех. Пушкин писал очень много, а иногда бывали дни, когда он писал стихи почти всё время: и на уроке в классе, и на прогулке в парке, и даже проснувшись утром в кровати, он брал карандаш и бумагу и начинал писать стихи. Иногда ему стихи не удавались. Тогда он кусал от досады карандаш, зачёркивая слова и надписывая их вновь, исправлял стихи и переписывал их несколько раз. Но когда стихи были готовы, они получались всегда такие лёгкие и свободные, что казалось, будто Пушкин написал их безо всякого труда.

Лицейские товарищи Пушкина читали его стихи и заучивали их наизусть.

Они понимали, что Пушкин становится замечательным поэтом. А Пушкин писал стихи всё лучше и лучше.

И вот однажды в Лицей на экзамен приехал старик Державин...

— А зачем он приехал? — спросил меня Кирилл.

— Ах да, — сказал я, — ведь ты, может быть, не знаешь, кто такой Державин. Державин тоже великий поэт, и до Пушкина думали, что Державин самый лучший поэт, царь поэтов.

Державин был уже очень стар. Он приехал в Лицей, уселся в кресло и на воспитанников Лицея смотрел сонными глазами.

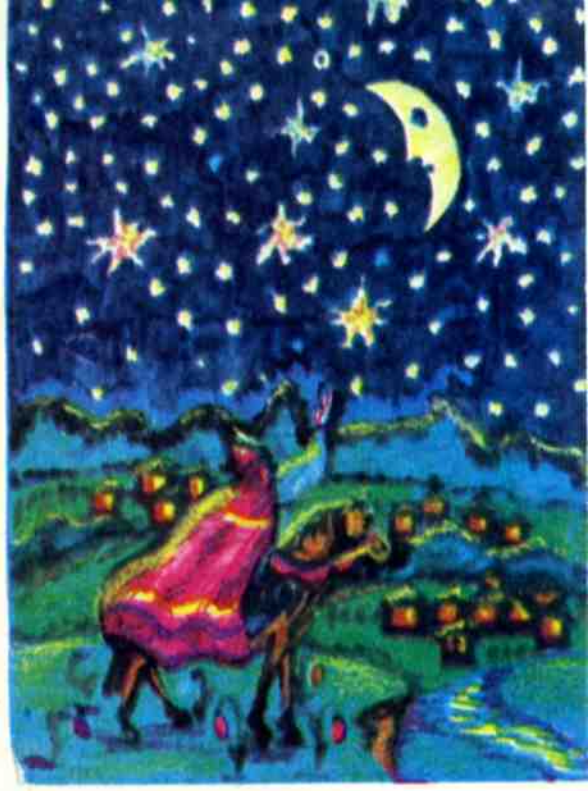
Но когда вышел Пушкин и звонким голосом начал читать свои стихи, Державин сразу оживился. Пушкин стоял в двух шагах от Державина и читал свои стихи громко и сильно. Голос его звенел.

Державин слушал. В глазах его показались слёзы.

Когда Пушкин кончил, Державин поднялся с кресла и кинулся к Пушкину, чтобы обнять и поцеловать нового замечательного поэта. Но Пушкин, сам не понимая, что он делает, повернулся и убежал. Его искали, но нигде не могли найти.

— А где же он был? — спросил меня Кирилл.

— Не знаю,— сказал я.— Должно быть, куда-нибудь спрятался. Уж очень он был счастлив, что его стихи понравились Державину!

— А Державин? — спросил меня Кирилл.

— А Державин,— сказал я,— понял, что ему на смену появился новый великий поэт, может быть, ещё более великий, чем он сам.

Кирилл сидел на кресле некоторое время молча. А потом вдруг неожиданно спросил меня:

— А ты видал Пушкина?

— И ты можешь посмотреть на Пушкина,— сказал я,— в этом журнале помещён его портрет.

— Нет,— сказал Кирилл,— я хочу посмотреть на живого Пушкина.

— Это невозможно,— сказал я.— Пушкин умер... Теперь нам дорого всё, что осталось от Пушкина. Все его рукописи, каждая, даже самая маленькая записка, написанная им, гусиное перо, которым он писал, кресло, в котором он когда-то сидел, письменный стол, за которым он работал,— всё это хранится в Ленинграде в Пушкинском музее. А в селе Михайловском ещё до сих пор стоит маленький домик, в котором когда-то жила пушкинская няня Арина Родио-

новна. Про этот домик и про свою няню Пушкин написал стихи. Это те стихи, которые ты выучил сегодня наизусть.

18 декабря 1936 года

Публикация Владимира ГЛОЦЕРА

Рисовали:

Оля ЯБЛОНСКАЯ,

Юра ЦАРЕНКО,

Маша ШКРОГАЛЬ,

Лена НИКИТИНА,

Настя КУЛАКОВА,

С. ШАКИРОВА,

Эльмира АХМЕТОВА

К каким произведениям А. С. Пушкина сделаны эти рисунки?

РАССКАЖИ-КА МНЕ, ШЕЛКОВИЦА

Расскажи-ка мне, шелковица,
Расскажи-ка мне, красавица,
Где плоды твои медовые,
Что ребятам очень нравятся?

Раздала, Махмуд, дружок мой,
Всё до ягодки, до капельки,
Чтобы стали щёчки алыми
У твоих сестричек маленьких.

Расскажи-ка мне, шелковица,
Расскажи-ка мне, красавица,
Где твои листочки нежные,
Что своей красою славятся?

Отдала, Махмуд, дружок мой,
Шелкопряду все скормила их,
Чтоб из шёлка платье новое
Мама в праздники носила бы.

Пусть халат наденет бабушка,
Пусть чалму повяжет дедушка,

Пусть платочек купит шёлковый
На селе любая девушка!

Расскажи-ка мне, шелковица,
Расскажи-ка мне, красавица,
Как тебе холодной осенью
Без твоей одежды справиться?

Не грусти, Махмуд, дружок мой,
Без листвы и мне не нравится,
Но придёт весна-волшебница,
И листва опять появится!

Будут все листочки новые,
И зелёные и гладкие,
Будут ягоды тутовые
И душистые, и сладкие!

ДЕДУШКИНО СЕЛО

По тропинкам между скал
Я бежал, бежал, бежал,
У весёлой горной речки
Я удобный брод искал.

Вот и горное село.
Это дедушки село.
Поглядите, как красиво,
Как уютно и светло.

Я не зря сюда бежал.
Я село нарисовал.
Всё красиво на картинке:

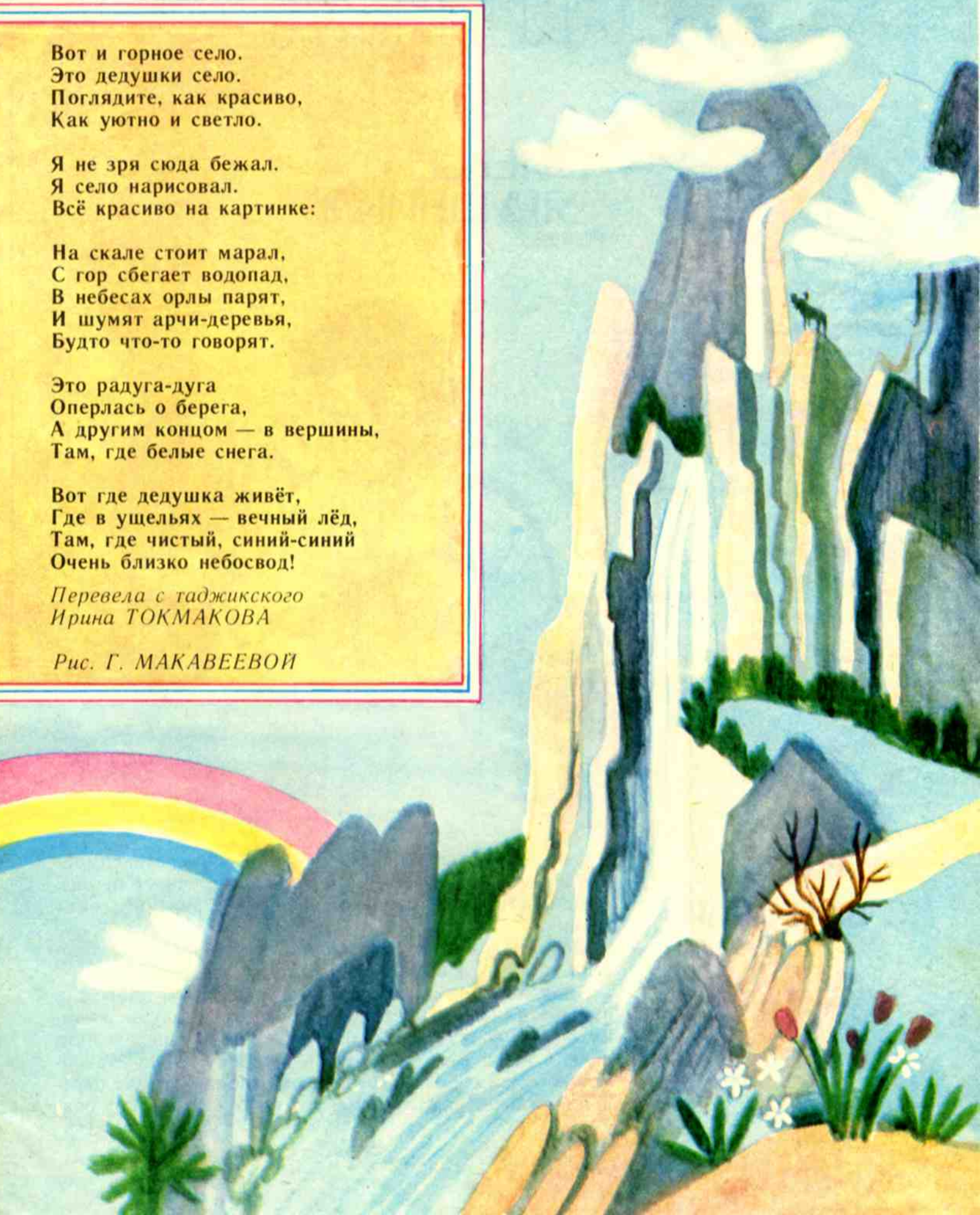
На скале стоит марал,
С гор сбегает водопад,
В небесах орлы парят,
И шумят архи-деревья,
Будто что-то говорят.

Это радуга-дуга
Оперлась о берега,
А другим концом — в вершины,
Там, где белые снега.

Вот где дедушка живёт,
Где в ущельях — вечный лёд,
Там, где чистый, синий-синий
Очень близко небосвод!

*Перевела с таджикского
Ирина ТОКМАКОВА*

Рис. Г. МАКАВЕЕВОЙ

МИШЕНЬКА

— АЛЕКСЕЙ
ЯРУШНИКОВ

Окончание

ЧУДЕСА С БОЧКАМИ

С Фёдором Ивановичем, его женой Анной Максимовной и девочкой Наташей Мишенька встречался не раз. А однажды устроил настоящее представление семье лесника.

Фёдор Иванович ухаживал за лесом, расчищал просеки, сажал на вырубках молодняк.

Анна Максимовна тоже работала в лесу: добывала нужную для промышленности сосновую смолу — живицу. Она день-деньской ходила от сосны к сосне и резцом делала наклонные бороздки к желобку. Анна Максимовна будто ёлочки вырезала на стволах. Смола переполняла бороздки, сочилась в жёлоб и по жёлобу ска-

Рис. В. ЛОСИНА

ывалась в прибитую воронку или пакет. Потом живицу собирали в бочки и вывозили из леса на завод.

У Анны Максимовны в лесу несколько участков, на каждом участке бочки под живицу стоят.

С некоторых пор с пустыми бочками стало приключаться непонятное: то в болоте Анна Максимовна бочку обнаружит, то в кустах. Не удержалась, выговорила Фёдору Ивановичу:

— Ты что же бочки по всему лесу разбросал?

А Фёдор Иванович даже обиделся:

— Напраслину возводишь, жена.

На дальнем участке Анны Максимовны стоял домик на тракторных санях. Такой домик трактор мог куда угодно отвезти. И печка в домике, и окно, на широких лавках спать можно. Здесь Анна Максимовна отдыхала, обедала и от непогоды укрывалась. Домик стоял на взгорке под соснами. Рядом пустые бочки для живицы приготовлены. Бочки Фёдор Иванович пирамидой сложил. А вокруг черничник необъятный.

Неделю Анна Максимовна на дальнем участке не была, пришла и ахнула — почернела у домика земля. Это выпели, налились сладким соком ягоды черники.

Привела Анна Максимовна Наташу на ягоды. Весь день Наташа чернику брала, пока мама работала, а вечером приехал Фёдор Иванович на мотоцикле за семьёй.

Только уселись в домике «на дорожку» горячего чая из термоса попить, стукнуло что-то за порогом. Выглянула Наташа в окно: а там Мишенька. Стоит и смотрит на домик. Увидел Мишенька Наташу в окне, испуганно присел, потом подпрыгнул мячиком вверх, перевернулся в воздухе через голову, на все четыре лапы приземлился и задал стрекача.

Наташа подумала было, что Мишенька не вернётся больше под окно, а медвежонок обежал вокруг дома и на пирамиду пустых бочек забрался. От первого Мишенькиного испуга не осталось и следа: решителен в движениях теперь, в глазах озорной блеск.

Столкнул Мишенька самую верхнюю бочку с пирамиды на землю и прыгнул на бочку. Наташе показалось, не бочку — резвого коня медвежонок оседлал. Ходуном бочка заходила под лапами медвежонка. Да ловок Мишенька, удержался на бочке-коня и направил бочку к отлогому склону взгорка, от окна. Стоит на бочке, лапами перебирает, а деревянный конь в обручах катится под ним. На склоне деревянный конь барабаном загремел. И катить под горку не надо, сам, подскакивая, бежит. Конь подскакивает — и Мишенька взлетает над деревянной спиной. Конь катится — и ноги Мишеньки едва успевают удержать его шаткую спину под собой.

Скатился Мишенька под взгорок, спрыгнул с бочки и

снова к пирамиде припустил. Наверное, ещё одну бочку собирался оседлать. Но грохот реактивного самолёта настиг косолапого шалуна на полпути, и Мишенька удрал в лес. Был и не стало, точно тяжёлая волна грома смыла Мишеньку и унесла.

Растаял звук самолёта над соснами в заоблачных небесах, и Наташа рассмеялась. Засмеялись Анна Максимовна и Фёдор Иванович. Все довольны: и с Мишенькой повидались, и узнали наконец, кто бочки раскатывал по болотам и кустам.

А Мишенька доволен тем более: на бочке покатался и до ягодной поры, как мама предсказывала, дожил. Примчался медвежонок к маме и сказал:

— Мама, в лесу черника поспела, теперь я, значит, совсем большой у тебя!

Улыбнулась мама и опять Мишеньку не обрадовала.

— Черника — только начало. Ягодная пора ещё вся впереди.

ГОСТИ

За черникой поспели в лесу малина, смородина, голубика. Ярко-красным цветом налившимся кистей ягод зажглись брусничники солнечных полян.

Пасётся Мишенька на ягодах и никак не может наесться. Вкусные, конечно. Хоть сколько ешь, а всё равно хочется ещё. И спать ляжет — опять стоят перед закрытыми глазами облепленные ягодами кусты, поэтому Мишенька облизывался и хотел ягод даже во сне.

За ягодами в лес множество людей понаехало. С утра до вечера аукаются, кричат.

На дальнем участке Анны Максимовны тоже ягодники поселились. Их Фёдор Иванович в домик пустил:

— Пожалуйста... Не жалко. Сколько понадобится, столько и живите.

Неделю гости на ягодах бок о бок с Мишенькой паслись. Они Мишеньку конфетами и сгущённым молоком угощали. Положат к бочкам и глядят, как медвежонок из леса за угощением придёт и на бочке перед ними покатается.

А потом прилетел вертолёт. Вертолёт уселся на прибрежный песок, и гости стали выносить из домика сушёные, варёные и мочёные ягоды. Уложили тяжёлые пестери, баки, корзины и рюкзаки в похожую на огромную стрекозу машину, а улетать не спешат.

Вернулись к домику, насыпали возле бочек конфет и в бочку с выбитым верхним дном конфет положили. Верхнее дно у бочки гости выбили ещё вчера, вместо дна крышку на ремённых петлях приладили и верёвку к крышке привязали. Верёвка длинная — конец от неё в домике.

Привык Мишенька к гостям и угощениям. Он живо за конфетами примчался, подобрал с земли и к бочке с от-

кинутой крышкой подошёл. Только Мишенька забрался в бочку, гости дёрнули в домике за верёвку — и крышка захлопнулась. Мишенька от неожиданности притих, ни жив ни мёртв в бочке лежит.

Выскочили гости из домика, примотали крышку покрепче верёвкой, на две палки бочку положили и на этих носилках потащили медвежонка из леса.

Не понравилось медвежонку в бочке. Торкнулся Мишенька в крышку головой, загривок ошетирил, зубы белые острые оголил и змеёй зашипел.

Засмеялись гости, а один и говорит:

— Не волнуйся, косолапый. Привезём тебя в город, будешь телевизор смотреть, радио слушать и гулять по улицам на поводке. К зиме определим тебя в зоопарк. Там, если, конечно, повезёт, и в артисты угодишь!

Выслушал медвежонок гостя и заверещал, точно кто пароходную сирену включил:

— Не согласен!.. Не буду!.. Не хочу!.. Мама!..

Услышала мама отчаянный вопль Мишеньки, выбежала из леса и тоже не захотела, чтобы её сынок смотрел телевизор, слушал радио, ходил по улицам города на поводке, а потом из зоопарка в артисты угодил. Поднялась мама на задние лапы, зарычала и пошла медвежонка выручать.

Не посмели гости ссориться с разъярённой медведицей. Бросили они бочку с Мишенькой, попрыгали в вертолёт и улетели.

Мишенькина мама в сердцах, пожалуй, могла и вертолёт поломать. Сына из бочки она мигом освободила. Ударила разок лапой — лопнули обручи, дощечками рассыпалась бочка на песке. Вот какая сильная у Мишеньки мама.

Убежал Мишенька за мамой с берега и спросил:

— Мама, а когда я буду такой же сильный, как ты?

Заворчала мама на медвежонка:

— Ты бы поосторожнее, сынок. Так недолго и до беды.

Не унимается Мишенька:

— Нет, ты мне обязательно скажи, когда я вырасту совсем-совсем большим?

Вздыхнула мама:

— Теперь скоро, сынок. Только сначала надо до клюквы-ягоды дожить.

Дожили и до клюквы.

Увела мама Мишеньку по первым заморозкам на остров среди болот. На острове спокойнее, только лесник Фёдор Иванович и Мишенькина мама знают туда дорогу.

Крупная нетронутая клюква у острова лежит. Под ягодами мхов не видно. Красным-красно от клюквы во-

КЛЮКВА-
ЯГОДА

круг, ступить некуда. На таких ягодах одно удовольствие пасть.

— Какая ягода самая поздняя? — спрашивает мама у Мишеньки. И сама же отвечает: — Клюква, конечно... Давно опала малина, кончилась пора смородины, черника, голубика и брусника увяли, осыпаются на прелую подстилку земли, а клюква только-только вызрела и налилась.

Ест Мишенька ягоды, пригоршнями набивает рот.

— Какая ягода самая ранняя? — спрашивает опять мама. И сама снова отвечает: — Клюква, конечно... Падут снега, пролежат зиму глубокими сугробами, весной растают, а на болотных проталинах клюква румянится-лежит. Но слаще прежнего. Настоящее объедение. Жевать не надо, сама тает на языке.

Рядом с Мишенькой и его мамой лесник Фёдор Иванович с семьёй ягоды берёт. Отборными, чистыми, точно рубины, ягодами наполняются холщовые мешки. Зимой клюква в пирогах, морсах и киселях больно хороша.

Наташа старается. Ей скоро в школу-интернат. Учёба в школе уже началась. Но папа отпросил девочку на неделю у директора, чтобы Наташа клюквы побрала для ребят. Девочке, понятно, больше хочется увезти клюквы в интернат. Приятно зимой чай с клюквой попивать. За окном метель воет, а ребята сидят в тёплой комнате, пьют чай и про лето вспоминают. Кто где бывал да кто что видал. Про Мишеньку Наташа расскажет обязательно. Вон какой кругленький на ягодах стал, за тугой загривок теперь, пожалуй, не ухватить.

Колобком Мишенька катается между кочек. Нет-нет да поднимется на задние лапы, чтобы на людей посмотреть. Увидит Фёдора Ивановича, Анну Максимовну и Наташу и опять ягоды ест, порывается от удовольствия.

БЕРЛОГА

Уф, кажется, наелся.

— Мама, ещё до какой поры надо дожидаться, чтобы я сделался совсем-совсем большой? — спросил Мишенька.

— До весенней клюквы, сынок. — Грустные у мамы глаза и печаль в голосе её. — Но сначала надо, Мишенька, одному в берлоге перезимовать.

Насторожился медвежонок:

— А когда в берлогу ложиться?

— Хоть сейчас, Мишенька. Мне тоже, сынок, пора! — сказала и пошла.

— Мама! — закричал вдогонку медвежонок.

Обернулась мама. Жалко ей Мишеньку и себя, расставаться не хочется, да что поделаешь, такая уж медвежья судьба:

— До свиданья, Мишенька! Будь счастлив, родной!..

— Мама!.. Можно я с тобой в берлоге перезимуем! — закричал опять медвежонок.

Ушла мама, не ответила, и Мишенька вздохнул:

— Значит, нельзя...

И снег уже сыплет. Запорошил снег мамины следы, разгладил, выбелил болотную ширь — зима колючим холодом пятки Мишеньке стала прижигать. И Фёдор Иванович с семьёй давно с острова ушли.

Заскучал Мишенька, запозёвывал. Хотел было на острове залечь, да ветер мелкоколосье, как решето, продувает. И на реке ветер, куда Мишенька с острова пришёл. И на дальнем участке Анны Максимовны Мишенька не задержался.

Зато яма под выворотнем на опушке возле дома лесника Фёдора Ивановича сразу пришлась Мишеньке по душе. Насыпала берёза в яму подстилку жёлтого листа, выворотень крышей корни над ямой распростёр, на корни ветром сугробную шапку намело — настоящая берлога получилась.

Залез Мишенька в берлогу, свернулся калачиком и вдруг спохватился: «Как же я узнаю, когда наступит весна? И мама ничего не сказала, и я забыл об этом маму спросить, — заволновался Мишенька. — Надо бы маму разыскать...» Но уже слиплись его глаза, уснул медвежонок.

Теперь до весны. На улице мороз, а у Мишеньки в берлоге темно, сухо и тепло. Анна Максимовна печь топит, а сладкими пирогами пахнет и в Мишенькином жильё.

Приедет Наташа на каникулы домой, лесник Фёдор Иванович обязательно девочку к берлоге приведёт, покажет, где Мишенька устроился.

Весной хлынет в берлогу талая вода, разбудит Мишеньку, а Мишенька будет уже большой и сильный, как мама.

МАСТЕР

На пустыре за старым домом
Железки ржавые лежат.
На мамин взгляд, годны для лома,
А для Николки — сущий клад.

Мальчишка занят важным делом:
Строгает, звякает, стучит.
Неторопливо и умело
Опять он что-то мастерит.

Друзьям он чинит самокаты,
Соседской бабушке замок.
А нынче вот нашёл лопату
И насадил на черенок.

То молоток берёт, то клещи,
Как в настоящих мастерских...
— Эй, у кого сломались вещи?
В два счёта он починит их.

Солнце вышло в небеса,
Испаряется роса.
Встав до утренней зари,
Накосились косари.

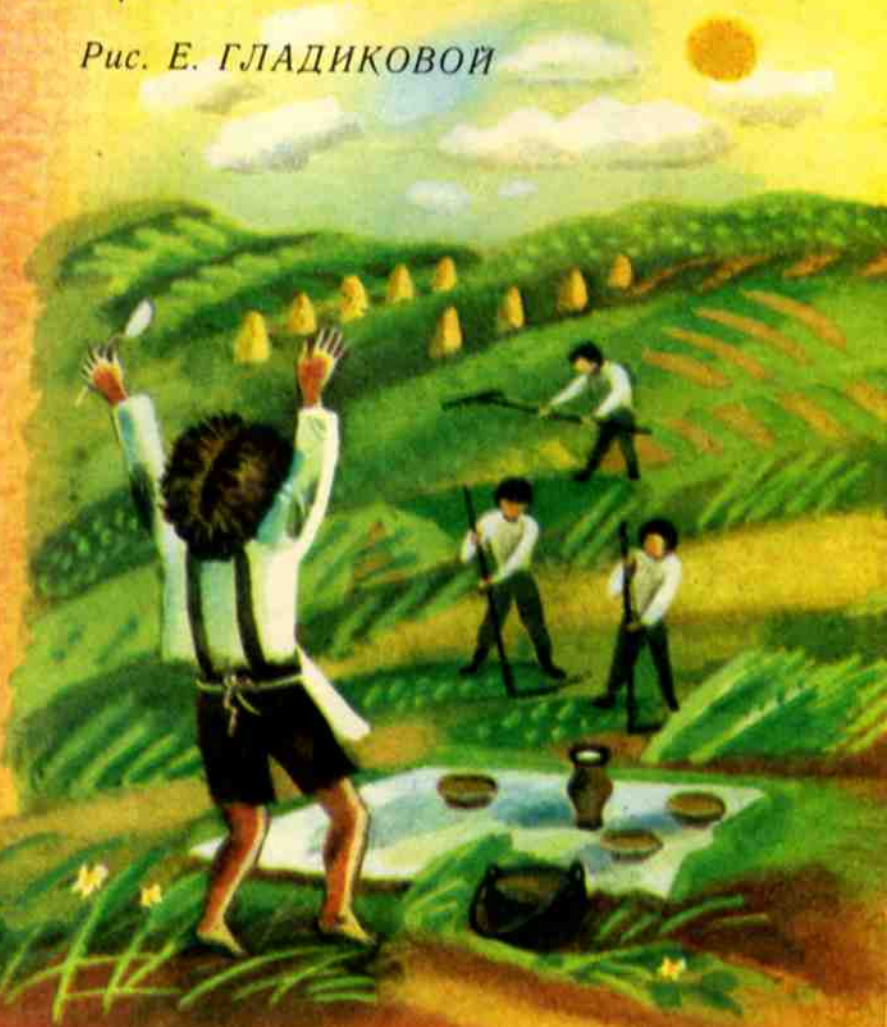
У кострища на поляне
Косарей встречает Ваня:
— Вас ушица заждалась.
А в ухе — варёный язык.

Над котлом душистый пар.
Рад ушице млад и стар.
От еды румяны лица.
Ай да славная ушица!

Вот посуда опустела,
Косари взялись за дело.
— Нынче я доволен вами,—
Говорит счастливый Ваня.

*Перевёл с мордовского-мокша
Юрий МОГУТИН*

Рис. Е. ГЛАДИКОВОЙ

Каждое лето мы с ребятами ходим в поход. С вечера собираем рюкзаки. Я кладу в рюкзак хлеб, картошку, сахар, соль. Ещё мы берём удочки, потому что идём к реке. Река называется Ик. В переводе с башкирского языка это значит «река, бегущая с возвышенности». Вода в ней прозрачная, на дне видны камешки, ракушки. В реке водятся пескари, окуни, голавли, хариусы.

Когда мы приходим на место, мы выбираем повара. Повар разводит костёр и ставит кипятить воду. А все остальные идут рыбачить. Уха обычно получается отличная. В походе мы играем, веселимся и возвращаемся домой очень довольные.

Виталий УСОЛЬЦЕВ,
БАССР,
село Новобелокатай

Я живу в городе Нижнекамске. Город расположен на берегу реки Камы. Наш город красивый и зелёный. Он ещё совсем молодой. Ему исполнилось 20 лет. У нас в городе есть Дворец спорта и Дворец пионеров, где занимаются юные жители. Ещё в нашем городе построили автогородок, и ребята учат правила дорожного движения.

Марат ВАЛИЕВ,
г. Нижнекамск

Моя мама проводница вагона. Один раз она взяла меня в Москву. В поезде я подружился с матросом. Матрос рассказал

КОНКУРС МУРЗИЛКИ

Я ЖИВУ В СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

друзья. Наш дом стоит перед лесом. А в этом лесу рельсы, по которым ходят поезда. Когда я засыпаю и слышу поезд, то мне кажется, что это я еду. И мне весело, потому что я всегда возвращаюсь обратно в Отрошку — на свою маленькую родину.

Ира ИВАНОВА,
г. Воронеж

Это случилось со мной в деревне. Было утро. Ещё рано. Я проснулась и, ста-

«Танец», Ира ЗЕМЦОВСКАЯ, Ленинград.

мне, как он служит, и подарил фотографию своего корабля. И вот мы приехали в Москву, и я впервые увидел Кремль.

Игорь КУКСЕНКО,
г. Новосибирск

Я родилась в посёлке Отрошка под Воронежем и всё время там живу. Я очень люблю свою Отрошку. Там мои самые верные

раясь никого не будить, вышла из дому. И побежала на поле, которое началось сразу за садом. Солнце вставало, освещая поле, а на поле рос дуб. Золотая дорожка пробежала через всё поле и касалась дерева. Эта картина мне запомнилась на всю жизнь.

Ира СОЛОВЕЙ,
Москва

В деревне Василёво все собаки — Тузики, все коровы — Зорьки, а уж все тётушки — тёти Мани.

Заходишь в деревню, а тебя встречает первый Тузик — Тузик встречающий. Он весёлый, добрый. Трётся о твою ногу ласково — дескать, заходи, заходи. Дашь ему какую-нибудь корочку, и он так подпрыгивает от радости, будто ты ему целый торт отвалил.

Идёшь по деревне, а из-за заборов новые Тузики глядят, насчёт корочки размышляют, а Зорьки в сараях мычат, а тёти Мани на лавочках сидят, сирень нюхают.

Подойдёшь к какой-нибудь тётке Мане, скажешь:

— Тётя Мань, налила бы молочка, что ли!

— Утрешнего или вчерашнего?

— Давай утрешнего.

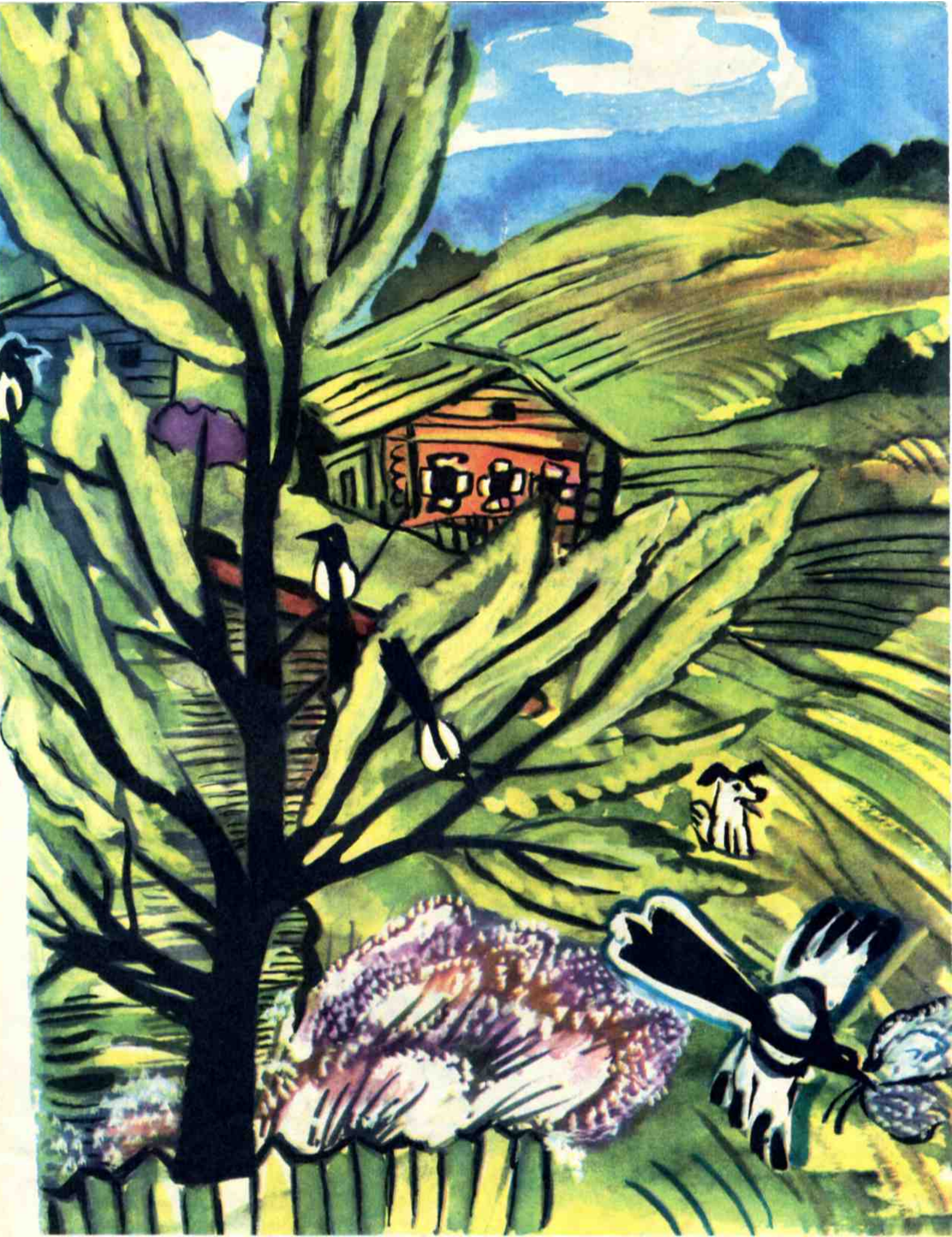
Вынесет тётя Маня утрешнего молока, выпьешь и скажешь:

— Давай теперь вчерашнего.

Пройдёшь через всю деревню — там молочка попьёшь, там редиску попробуешь, сирени наломаешь. А за околицу тебя последний Тузик провожает — Тузик провожающий. И долго смотрит тебе вслед и негромко прощально лает, чтоб не забывал ты про деревню Василёво.

А вот в деревне Плутково все собаки — Дозорки, все коровы — Дочки, а уж все тётушки — всё равно тёти Мани. Там и мой друг сердечный Лёва Лебедев живёт.

ТУЗИК

НЕВЕДОМАЯ

Неведомо откуда объявилась в небе Птица. Татьяна Алексеевна успела её нарисовать — и Птица исчезла.

— Прямо и не знаю, что за птица, — сказала Татьяна Алексеевна, показывая мне рисунок. — Неведомая.

Долго рассматривал я рисунок, а не мог угадать, что за птица.

Мелькнула она и только след оставила на рисунке. «Может быть, это козодой?» — думал я.

Под вечер, под вечер появляется над нами козодой. Необыкновенный, прихотливый у него полёт. То кинется он вправо, то влево, то встанет на голову в воздушном потоке. Это он ловит слепней и вечерних бабочек.

Как-то жил я на берегу Ветлуги.

Каждый вечер сидел у костра, а вокруг тучами вились комары и стрекозы, вечерние бабочки.

А над нами, над бабочками и комарами ходил козодой.

Смеркалось, смеркалось. И двигалось, шевелилось небо, и козодой подлетал вдруг к самому моему лицу, хватал комара, взглядывал быстро в глаза и уходил в сторону. А я сидел неподвижно. Пил чай у костра, как будто бы вместе с ним пил чай, с козодоем.

Когда в лесу кричит сойка — мне кажется, что огромная еловая шишка трётся о сосновую кору.

Но зачем шишке об кору тереться? Разве по глупости?

А сойка кричит для красоты. Она думает, что это она поёт. Вот ведь какое птичье заблуждение!

А на вид сойка хороша — головка палевая с хохолком, на крыльях — зеркала голубые, а уж голос как у граблей — скрип да хрип.

Вот раз на рябине собрались три сойки и давай орать. Орали, орали, драли горло — надоели. Выскочил я из дому — сразу разлетелись.

Подошёл к рябине — ничего под рябиной не видно, и на ветках всё в порядке, непонятно, чего они крича-

СОЙКИ

ли. Правда, рябина ещё не совсем созрела, не красная, не багряная, а ведь пора — сентябрь.

Ушёл я в дом, а сойки опять на рябину слетелись, орут, грабли дерут. Вслушался я и подумал, что они со смыслом трещат.

Одна кричит:

— Дозреет! Дозреет!

Другая:

— Догреет! Догреет!

А третья кричит:

— Тринтрябрь!

Первую я сразу понял. Это она про рябину кричала, мол, рябина ещё дозреет, вторая — что солнце рябину догреет, а третью не мог понять.

Потом сообразил, что сойкин «тринтрябрь» — это наш сентябрь. Для её-то голоса сентябрь слишком нежное слово.

Между прочим, сойку я эту заприметил. Слушал её и в октябре и в ноябре, и всё она кричала: «тринтрябрь».

Вот ведь тупая, вся-то наша осень для неё — тринтрябрь.

Грач потонул в траве.

Упал с дерева в траву да и потонул в ней, даже немного захлебнулся.

Напугался грач. Сидит в траве. Глаза вытарашил, а ничего, кроме травы, не видит.

Долго так он сидел, а потом высунул из травы голову — ого! Лес вокруг. Деревья мохнатые да косматые, колючие да дремучие.

Тут грач взял да и снова в траву спрятался.

Сидел-сидел, снова выглянул. Лес на месте стоит, на грача глядит. И грач снова спрятался.

Так и пошло у них. Грач высунет голову — лес стоит, спрячется, а лес глядит, а трава-то вокруг шуршит, маленькие травинки пищат, а сухие — трещат.

Пошёл грач через траву пешком, клювом стебли раздвигает, а сам-то дрожит от страху.

Вдруг трава кончилась, и грач увидел поле, а в поле-то два бычка стоят, на грача мычат. И оба — белолобые! Вот ужас-то какой — белолобые! Оба! И грач назад в траву попятился.

И тут задрожала земля! Топот раздался, грохот!

Дядька по дороге на кобыле скачет! Дядька! В шляпе!

Мало того, что на кобылу залез, а ещё и шляпу напялил!

Хлопнул грач от страху крыльями — и полетел!

Первый раз в жизни полетел.

Рис. В. ДУВИДОВА

ВЕТЕР

ТАТЬЯНА
АЛЕКСАНДРОВА

Было это давным-давно,— сказала старая-престарая тряпичная кукла.— Я ещё совсем новехонькая была и жила в деревне у двух сестёр. Которая по-старше — младшую нянчила, а младшая — меня.

Уехал как-то отец с матерью на ярмарку в дальнее село. Мы остались одни. Девочки как могли по хозяйству управились, забрались на печку спать и меня с собой взяли.

Проснулись среди ночи. Слышим, кто-то гудит, воет, свищет. А избу свою не узнаём. Она выше стала. Из окон серебряный свет льётся, полна изба серебряного света. Занавески на окнах, самовар на столе, скамейки, чугуны, ухваты — все на себя не похожие, до того нарядные, будто в гости собрались или гостей ждут.

Вдруг распахнулась дверь. Зазвенели пустые вёдра на лавке в сенях. Зашевелилась старая шуба на гвозде у двери. С громом упала кочерга. Захлопали занавески на окнах.

Девочки лежат на печи ни живы ни мёртвы. А по избе кто-то ходит и вздыхает, ходит и вздыхает.

Старшая сестра Настя прижала к себе младшую, Мотю, и спрашивает:

— Кто там по дому ходит, спать не даёт?

Тут к печи подошли, вздыхает кто-то, стонет, плачет.

— Ты кто? — спрашивает старшая сестра.— Если станешь нас обижать, лучше уходи!

— Ветер я! — услышался голос.— Всего только Ветер.

— Ты чего плачешь, Ветер? — пожалели его девочки.— Замёрз или боишься кого?

— Кого мне, Ветру, бояться? — отвечает ночной гость.— Я ли замёрзну?

— А что ж ты плачешь, такой большой и сильный?

— А то и плачу,— говорит Ветер,— что никому я не нужен, никому не мил. Все от Ветра прячутся, все от меня бегу-у-ут. У-у-у! Ещё и дразнят: «Один, как Ветер в поле».

— Что ты, Ветер? — утешают его девочки.— Всем ты, Ветер, нужен, нельзя без тебя, без Ветра. Сено без тебя не просохнет, хлеб не обмолотят, тучи с места не стронутся. И в песнях про тебя поют, как ты корабли по морям носишь.

Обрадовался Ветер, перестал вздыхать и плакать, слушает, что ему скажут.

А девочки давай его хвалить:

— Кто без тебя будет крылья мельницам вертеть, кому муку молоть? Кто поможет хлеб веять? Кто наше бельё высушит?

Забыли девочки, что Ветер переменчив. А Ветер взял и обиделся:

— Это я, Ветер, ваше бельё что сушу? Я к вам в работники нанялся? Я — вольный Ветер! Я — могучий Ветер! Крышу с дома сорву, тогда увидите, какой я вам слуга. Ишь, что придумали!

Испугались девочки:

— Пожалей нас, Ветер, не сердись! Мы ведь не хотели тебя обидеть. Ты — вольный Ветер, ты — могучий Ветер. Что хочешь, то и делаешь.

— То-то! — успокоился Ветер.— Ну, ладно! Пора и мне, Ветру, проветриться!

— Прощай, Ветер! — говорят девочки.— Прости, если что не так сказали. Хочешь, мы завтра с тобой поиграем? Мы тебя всюду найдём!

— Так уж и найдёте? — рассмеялся Ветер.— Ищи Ветра в поле! Лучше я сам вас найду в поле или на лугу. Так и быть, поиграю с вами. Но если чересчур разыграюсь, бегите домой. Я — Ветер переменчивый, сам не знаю, чего хочу.

Хлопнул дверью и ушёл.

Тут и отец с матерью вернулись.

— Заходил к нам кто-нибудь? — спрашивают.

— Заходил! Заходил! — обрадовались девочки.— Ветер заходил!

— Значит, никого не было,— сказали родители.

Рис. В. ЧАПЛИ

БОБРОВЫЙ ПРУД

Н. СЛАДКОВ

Тёк в лесу ручей, от жары пересох почти, даже журчать перестал. Никто на ручье не жил: ни в воде, ни у воды. Скучно было в лесу.

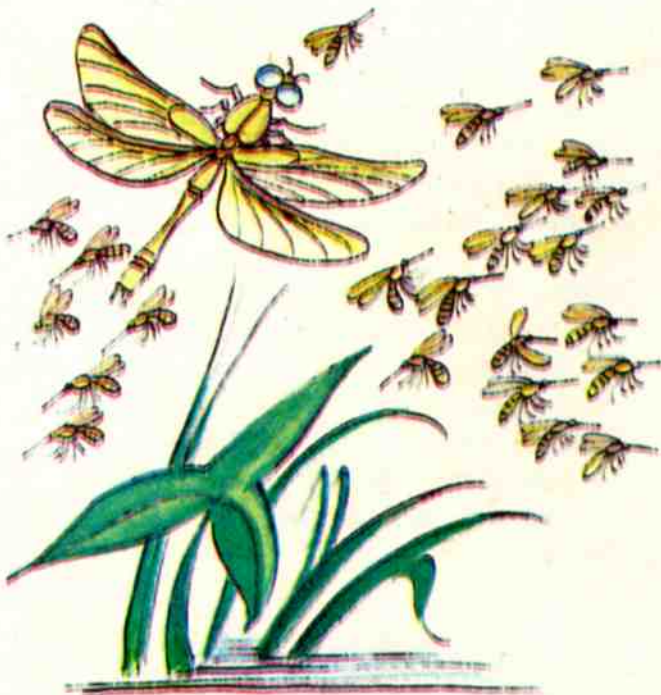

Но пришёл на ручей бобр и построил плотину. Разлился за плотиной большой бобровый пруд.

Поселились в пруду лягушки: что ни вечер теперь — то весёлый концерт лягушачий!

Стрекозы разноцветные в пятнашки над осокой играют, за комарами гоняются. Приплыла выдра, по ночам раков ловит, днём с крутой горки на животе прямо в воду скатывается — играет.

Ласточки прилетают на пруд купаться, грудкой с лёту по воде чиркают, подхватывают клювом капельки. Щебечут от радости!

Рыбки в пруду завелись, играют и плещутся в прозрачных струях.

Утки прилетели, гнёзда свили, утят вывели. Крячут теперь с утра до вечера, утят созывают.

Прилетает и чёрный аист — на одной ноге у воды подремать. Лягушачий концерт послушать, на рыбок полюбоваться. Червячка заморить.

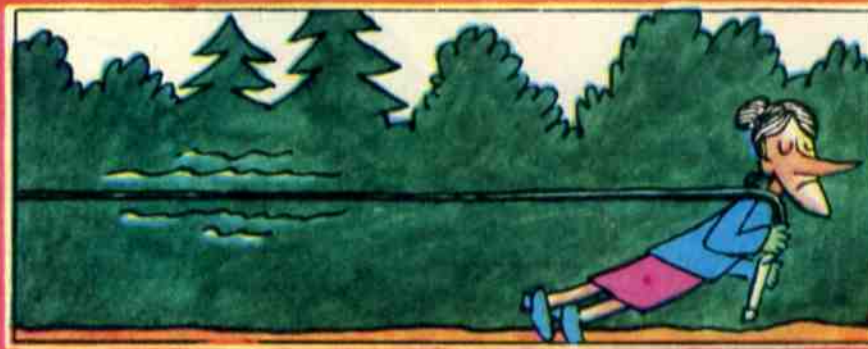
Весело стало в лесу, шумно и оживлённо! А всё бобр — спасибо ему. Всем лесным жителям угодил. И себя не забыл!

Рис. Л. БАГИНА

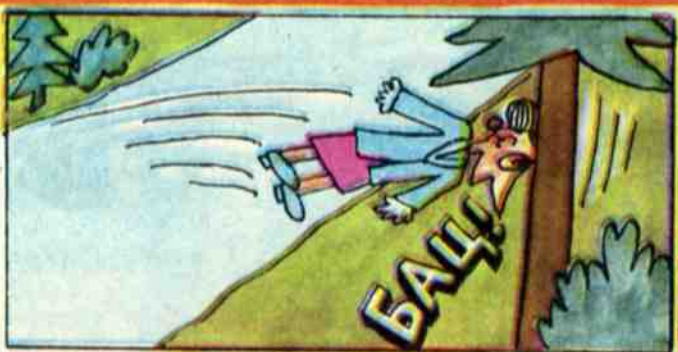
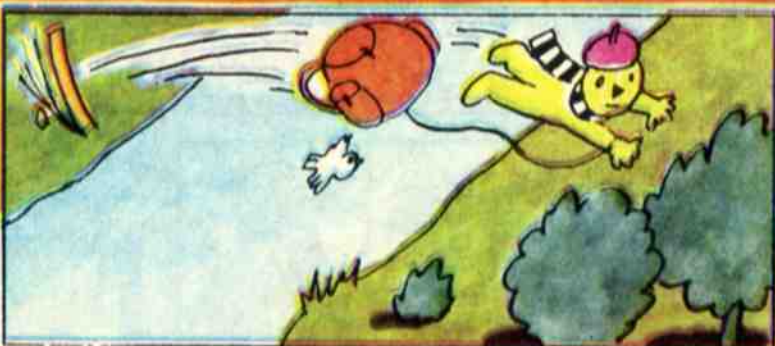
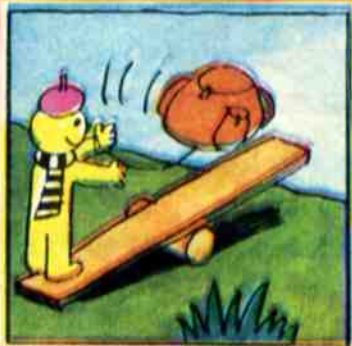
А. Семёнов

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

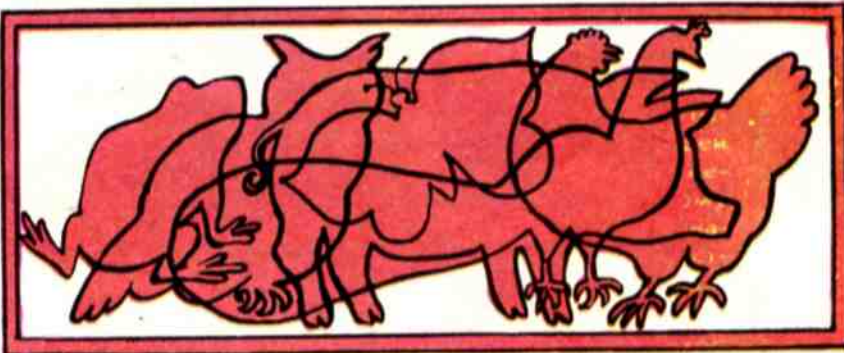

МУРЗИЛКИ

МАМА МАМА МАМА
МАМА МАМА МАМА
МАМА МАМА МАМА
МАМА МАМА МАМА

Рисунки
из журналов
«Зорничка» (ЧССР),
«Сверчок» (ПНР),
«АБЦ-цайтунг» (ГДР)

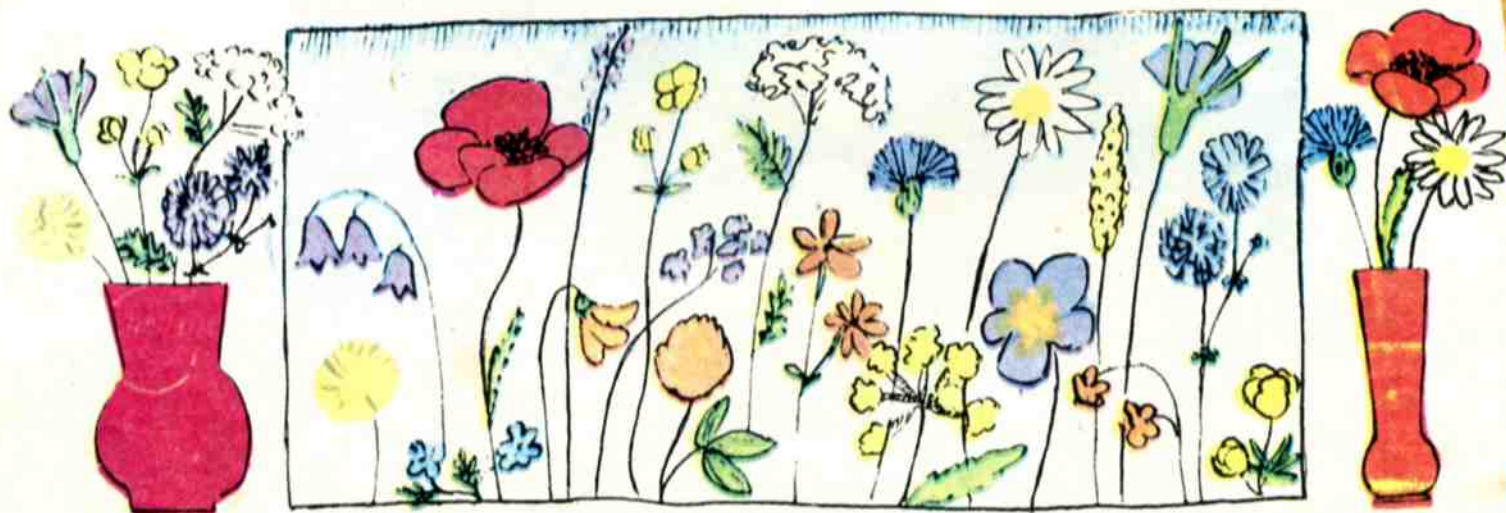
Найдите на этих картинках птиц
и зверей.

Раскрасьте картинку.

Подберите мальчикам и девочкам
подходящую обувь и одежду.

Каких цветов, нарисованных на
картинке, нет в кувшинах?

ЗАДАНИЕ С КУБИКАМИ

Догадитесь, какая цифра должна стоять на пустом кубике. Это сложное задание. Сначала нужно сообразить, куда поставить кубики с цифрой 1 и с цифрой 7. Вот вам подсказка — обратите внимание на разницу цифр по горизонтали.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ
С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
Т. АНДРОСЕНКО

Редколлегия:

Я. АКИМ,
С. АЛЕКСЕЕВ,
Г. ВИЕРУ,
Н. ЕМЕЛЬЯНОВА,
И. ЗАРАХОВИЧ
(зам. главного редактора),
М. КОРШУНОВ,
В. ЛОСИН,
Г. МАКАВЕЕВА,
В. МАТВЕЕВ,
А. МИТЯЕВ,
К. ОРЛОВА
(ответственный секретарь),
Е. РАЧЕВ,
Н. СТРЕЛЬНИКОВА,
В. ЧИЖИКОВ

Редактор отдела
художественного
оформления
В. ШЛЯНДИН

Технический
редактор
Г. БЕЛОВА

Сдано в набор 13.04.87
Подписано в печать 28.04.87.
Формат 84×108^{1/16}.
Печать офсетная.
Условн. печ. л. 3,36.
Усл. кр.-отт. 13,44.
Уч.-изд. л. 4,0.
Тираж 5 500 000 экз.
Цена 15 коп.
Заказ 77.

Адрес редакции
журнала «Мурзилка»:
125015, Москва,
Новодмитровская ул.,
д. 5а.
Телефон 285-18-81

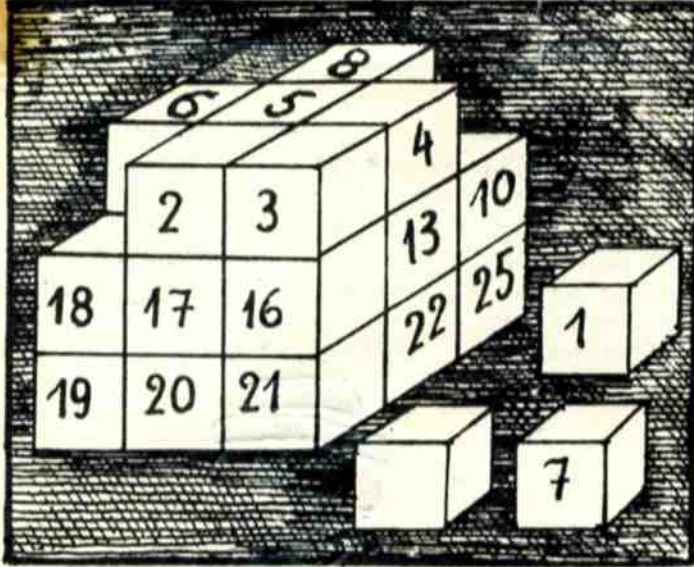
Издательство
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»

Типография ордена
Трудового Красного
Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»

103030, Москва, К-30,
ГСП-4, Суцёвская, 21

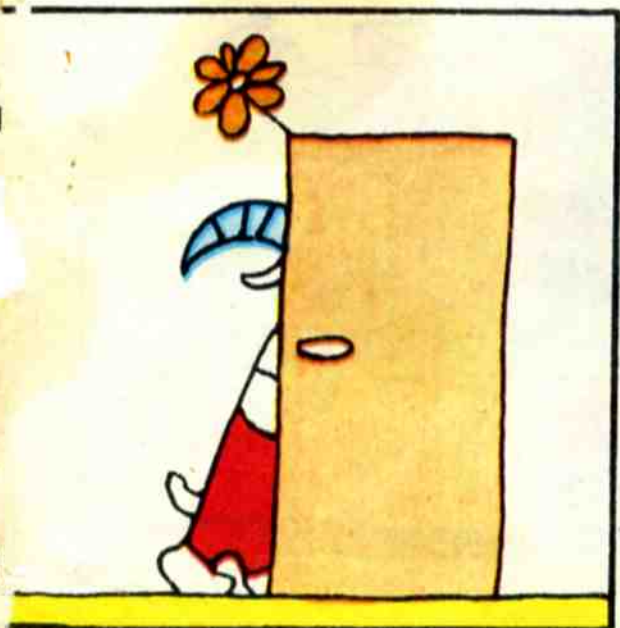
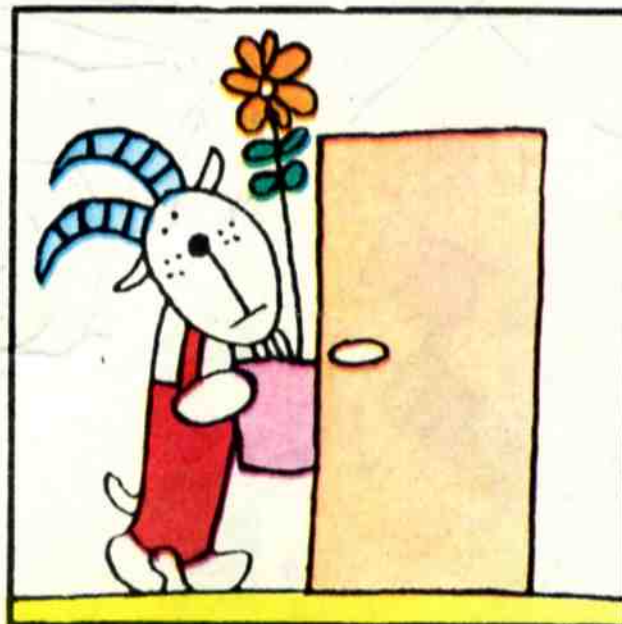
Макет Н. ХОЛЕНДРО

Рисунок на обложке
Серёжи АБУЛА,
г. Запорожье

«КОЗЁЛ БОРОДАТЫЙ»

Придумайте рассказ по этим картинкам.

Сделай сам

Дорогие ребята, вы, наверное, знаете, что такое ветряки. Самую простую ветряную вертушку можно сделать из бумаги. А на этой странице изображены забавные движущиеся игрушки. И главная деталь их «двигателя» — всё тот же ветряк-вертушка. Только изготовлять его нужно из плотного картона или фанеры, иначе игрушка не будет работать. Рассмотрите внимательно модели игрушек и попытайтесь сделать их сами. Если вы проявите смекалку, у вас получатся движущиеся «ветряные» игрушки.

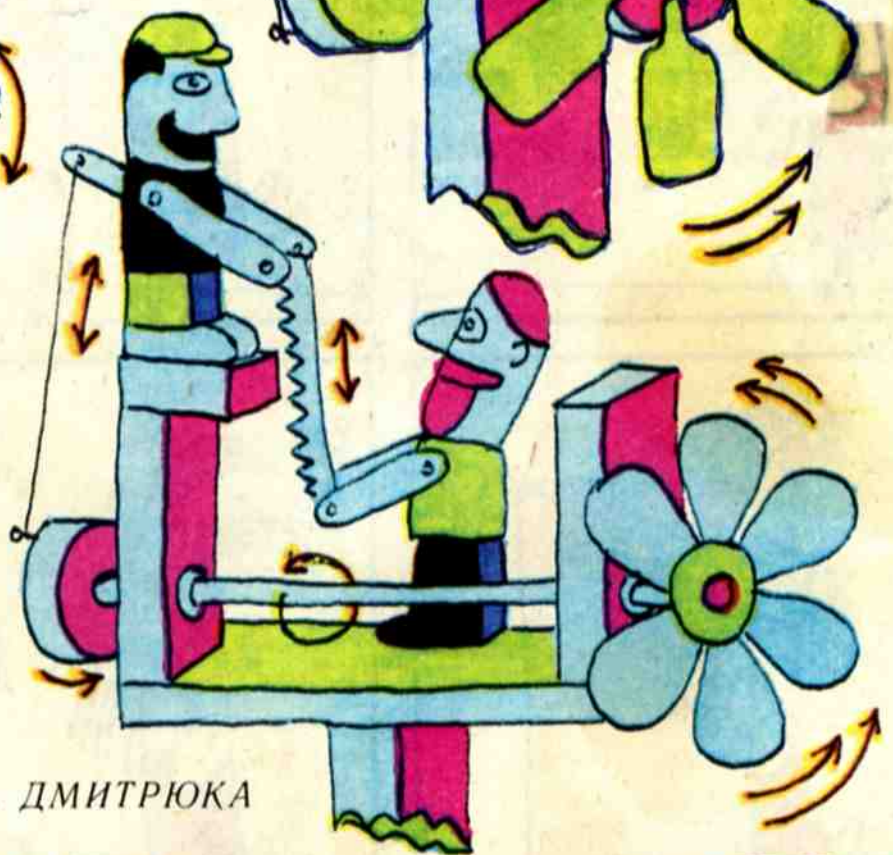
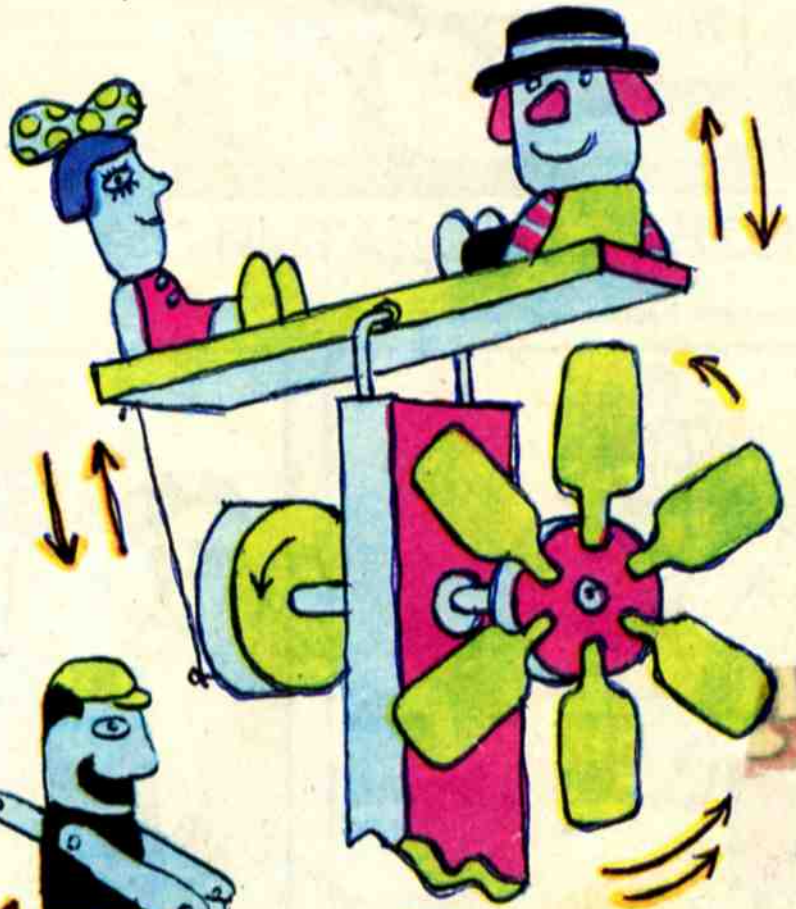
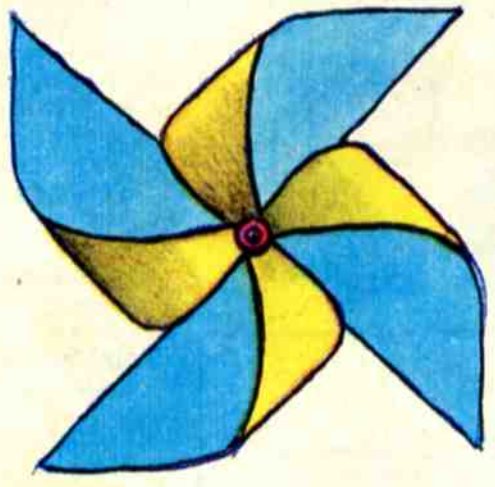

Рис. В. ДМИТРИУКА